

От создателя
Тани
Троттер

Омгтрий Емеу

Черная-
черная
простыня

ЭКСМО

Ужасные истории

Дмитрий Емец

Черная-черная простыня

«Емец Д. А.»

2002

Емец Д. А.

Черная-черная простыня / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2002 — (Ужасные истории)

Ну и страху же натерпелся Филька: шутка ли, на спор отправился ночью на кладбище, да еще и в разрытую могилу провалился! Но теперь все позади, и условие пари выполнено: вот оно, первое, что встретилось на пути, – таинственная черная простыня, лежавшая в открытом гробу. Тут бы вздохнуть с облегчением, но оказывается, кошмар не кончился, а еще только начинается! Черная ткань извивается как живая, ослепительно вспыхивает, и наконец на ней из ниоткуда возникают зловещие буквы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дмитрий Емец

Черная-черная простыня

Глава 1

ПРОСПОРИЛ!

Жила-была девочка Зиночка с хвостиком-косичкой. Она была хорошенькая девочка, только немного страшная, потому что в детстве головкой о качели ударилась. Однажды она нашла на улице маленькую косточку, принесла ее домой и бросила в кипящую на плите кастрюлю. Внезапно вода в кастрюле забурлила, и оттуда раздался жуткий голос: «И после смерти мне покоя нет! Сегодня ночью готовься к смерти, девочка! Я, Скелет-Душителъ, приду за тобой!»

Зиночка испугалась и стала думать, что ей делать. Думала-думала и придумала. Разбила копилку, купила в магазине десять пачек пластилина и слепила из них большую куклу. Эту куклу она положила под одеяло, а сама взяла большой рупор и спряталась.

Ночью она услышала шорох. Со всех сторон в комнату сползались кости, пока, наконец, не собрался огромный скелет. Скелет подкрался к кровати и, дождавшись, пока прирастет та самая первая косточка из кастрюли, прыгнул на пластилиновую куклу и стал ее душить.

В этот миг девочка Зиночка закричала в рупор:

«Я Смерть! Почему кости по земле, не спросившись у меня, бегают?»

Скелет испугался и убежал с прилипшей к нему куклой. Больше он не приходил.

Правдивые истории про девочку Зиночку

1

– Ты проспорил! – сказала, как отрубил, Анька Иванова.

Филька Хитров, невысокий, юркий, похожий на встрепанного воробья семиклассник, удрученно вздохнул. Он понял это давно, но упорно не хотел соглашаться. И дернул его черт за язык! Но признавать свое поражение он не желал, и на то у него была очень веская причина.

– Ничего подобного, – заупрямился он. – Ты сказала, что районку раньше второго не дадут. А я сказал, что дадут, потому что...

– Хитров! Стоп! – Анька повысила голос.

– Чего «стоп»?

– На каком уроке она была?

– Ну, на втором... Но первого-то вообще не было... А значит, второй и был первый... То есть в том смысле первый, что раз первого не было, то второй стал как бы первый...

– Хитро-ов!!! Ты меня за дурочку не держи! Давай у Петьки спросим! Мокренко, на каком уроке была контрольная: на первом или на втором?

Сразу две пары глаз – серые Анькины и голубые хитровские – настойчиво уставились на толстяка Петьку. Мокренко неуютно заерзал на подоконнике и едва не подавился трехслойным бутербродом, которым в данный конкретный момент подпитывал свои силы.

– Ну... э-э... – замялся он, виновато косясь на Фильку. – Вообще-то, если честно, она была *на втором*.

Анька издала торжествующий вопль.

– Вот видишь!

– Эх ты, а я-то думал, ты мне друг, – сказал Филька, с ледяным презрением глядя на Мокренко.

Однако круглая Петькина физиономия, обсыпанная по подбородку мелкими крошками, выражала: «Хитров, ты мне друг, но истина дороже!»

– А что я такого сказал? Только то, что урок-то был второй, – пробурчал Петька.

Приняв решение, Филька твердо посмотрел на Иванову. В седьмом «А» она была известна как первейшая спорщица. Так, с литератором она спорила, что он не знает, как звали бабушку Пушкина, а с математичкой – что та не помнит числа «пи» до седьмого знака включительно. После десятка подобных споров учителя стали вздрагивать при любом звуке Анькиного голоса и смотрели на ее парту так, будто на ней лежал чемодан с тротилом, а сама Иванова держала в руках взрыватель. Но теперь дело было даже не в этом. Дело было в принципе: сможет он или нет.

– Хорошо. Я проспорию, и я *это* сделаю, – сказал Хитров.

Анька Иванова, готовившаяся к новому натиску, от неожиданности осеклась. Кажется, она и сама не принимала этого спора всерьез.

– Сделаешь? – недоверчиво спросила она.

– Да. Сегодня же ночью я пойду на кладбище и принесу то первое, что мне попадется. Мы же на это спорили?

– Да, на это, – подтвердила Иванова.

С той самой минуты, когда она поняла, что Филька не шутит, в ее голосе уже не было торжества.

– Седьмой «А»! Где вы там? На урок! – крикнула, проходя мимо, седовласая, с высокой прической учительница.

«Кладбище! Неужели я в самом деле туда потащусь?» – с ужасом подумал Хитров.

2

Поздним вечером, когда родители улеглись спать, Филька незаметно выскользнул из дому и выкатил из гаража велосипед. При этом машина деда предупреждающе вякнула и моргнула фарами. Хитров опасливо покосился на свои окна.

«Ишь! Заложить меня хочет! Но теперь отступать поздно», – подумал он, поспешно захлопывая гараж.

Было сыро. Шины велосипеда глубоко отпечатывались на влажной земле. Когда Филька проезжал через лужицы, под колесами трескался лед. Бр-р! И противное же это время – конец октября.

Обогнув гаражи и детский сад, Филька нырнул в переулок, срезал дворами и, выехав на шоссе, направился в сторону парка. Автомобилей почти не было. Один только раз мимо, мерцая сиреной, пролетела белая, с красной полосой, машина «Скорой помощи». Мелькнуло желтоватое, склоненное к рулю лицо водителя, похожее на лицо живого мертвеца, а врач в халате, чуть повернув голову, погрозил Фильке пальцем. Обогнав велосипед, автомобиль с гулом скрылся за поворотом. Встреча со «Скорой» показалась подростку недобрый знаком.

«И угораздило меня поспорить с Ивановой! Ее переспорить – все равно что тапкой танк раздавить», – подумал он.

Однако Филька отлично понимал: истинная причина того, что он спорил с Анькой и, проспорию, исполнял обязательства, состояла в том, что Иванова ему нравилась. Нравилась,

пожалуй, только ему, потому что красавицей ее назвать было сложно. У Ивановой были выпуклые круглые очки с такими стеклами, что толще бывает только оптический прицел, и нос самой въедливой формы. Но Фильке она нравилась не за очки и за нос, а за что-то другое, неуловимое, что он затруднился бы выразить словами, но что и было самой Анькой. Если бы не это, никакой спор не погнал бы его ночью на кладбище.

«И что я, интересно, принесу ей? Кость? Памятник? Вот гад Мокренко, не мог другу подыграть! Ну ничего, толстый: попроси меня теперь починить компьютер!» – недовольно размышлял Филька.

Вскоре он уже протискивался с велосипедом в пролом в парковой ограде, где в железном заборе кем-то заботливо спилены были два прута. Лазейка эта была особенной – сколько раз ее ни заваривали, ни мазали края солидолом, ни обматывали колючей проволокой, через несколько дней она появлялась вновь.

Ночь была светлая. Луна – круглая, желтая, как совиный глаз, – отблескивала на полуспортивном руле. Она же купалась во всех лужах, в которых, кроме луны, плавало еще и множество листьев. Черные стволы деревьев, похожие на колонны, неохотно раздвигались и скользили назад, пропуская велосипед.

«Сейчас все время прямо! А потом на аллее забрать чуть правее», – прикидывал Хитров, торопливо вращая педали.

Вскоре впереди показался длинный ряд железных копий с устремленными вверх наконечниками. Это и была ограда старого кладбища, на котором уже около полувека никого не хоронили. С каждым годом кладбище все больше зарастало кустарником и деревьями, сливаясь с лесом. Ограда ветшала и обваливалась, во многих местах обнажая черные камни позабытых надгробий.

Недалеко от ограды Филька затормозил и чутко прислушался, продолжая на всякий случай держаться за руль. В облетевших вершинах гудел ветер. Из-за кладбищенского забора доносился скрип: то ли дерево терлось о дерево, то ли раскачивались древние кресты. Облизав губы, Хитров осторожно прислонил велосипед к дереву. Если бы не этот дурацкий спор, он не сунулся бы сюда даже и днем – такой ужас внушало ему, да и всем, старое кладбище. Ходили слухи, что здесь пропадают люди. Теперь же делать нечего: приходилось держать слово.

Присев рядом с велосипедом на корточки, Филька посмотрел на часы. Было без пяти двенадцать. Мокренко с Анькой Ивановой должны были вот-вот появиться. Хитров с опаской прислушивался к далеким кладбищенским шорохам и стал ждать. Прошло десять минут, потом еще десять – они все не появлялись.

«Задрыхли, сони! А я, олух, поперся в такую даль! Ну ничего, задам я им завтра! А теперь домой, домой...» – не без облегчения подумал Филька.

Он уже подошел к велосипеду, как вдруг чья-то тяжелая рука неумолимо опустилась ему на плечо, буквально вдавив его в землю.

– Добро пожаловать в деревню мертвецов! – пророкотал кто-то в самое его ухо.

Завопив, Хитров что было сил рванулся и тотчас услышал хохот Мокренко. Рядом с Петькой, пряча ладони в рукава, жалась Анька Иванова. Чуть в стороне лежал велосипед.

– Испугался! – обрадовался Петька. – Так и знал, что испугаешься! Специально подкрадывались! Эй, эй, без рук!.. Ну что, идешь на кладбище?

– Иду! – успокаиваясь, проворчал Хитров. Теперь, когда приятели были рядом, ему не было уже так жутко. – Чего вы так долго?

– А мы на одном велике. У моего шины сдуты, – сказал Мокренко. – Меня – ха-ха! – на раме везли!

Его зловещая – в свете луны – физиономия буквально засияла от радости. Толстяку забавно было, что его, такую громадину, везла на раме девчонка.

– Я предлагал, чтобы наоборот, она не согласилась, – в свое оправдание сказал Мокренко.

– Ну уж нет. Я свою технику никому не доверяю, – заявила Анька.

Отвечая Петьке, она неотрывно смотрела на Хитрова и словно испытывала его.

– Значит, не передумал?

– Нет. Ждите меня тут... Не отходите от моего велика.

Повернувшись, Филька направился сквозь голо торчащие ветви кустарника к кладбищу. Двадцать шагов, еще двадцать... Теперь всего несколько метров отделяло его от темного пролома в ограде, за которым жутко белели старинные кресты и громоздились замшелые, со стершимися буквами надгробия.

«Пусть Анька видит, что я не трус. Взять первое, что встречу!» – напомнил Филька сам себе условия пари.

3

Тревожно озираясь, он пробирался между надгробиями. Под ногами, под слоем листьев, пружинила влажная земля. Покосившиеся кресты, скорбные, воздетые кверху ветви голых деревьев, замшелые камни, в неровностях которых отблескивала луна. В темноте что-то скрипело, шуршало, чавкало. Десятки разнообразных звуков от шороха листьев до тонкого прерывистого свиста доносились со всех сторон – и по меньшей мере половине из них нельзя было дать никакого объяснения.

Филька то замирал, то прижимался к деревьям, то чутко всматривался в темноту, пытаясь понять, что там впереди. В какой-то миг ему почудилось, что из-за дерева на него смотрит мертвенно-синяя женщина. Он шарахнулся было назад, но, споткнувшись, упал. Женщина осталась неподвижной, и Филька понял, что это статуя. Нерешительно подойдя ближе, он увидел обелиск, похожий на маленькую беседку с колоннами, которые прежде принял за деревья. Каменная плакальщица, напугавшая мальчика, стояла на коленях внутри этой беседки, воздев руки.

«Надворный советник

Олимпийцев Гервасий Иванович.

Скончался 14 мая 1896 года.

Всех лет его жизни было 46.

Ты был любим.

От скорбящей вдовы и детей», —

разобрал он надпись на памятнике.

Рассердившись на себя за то, что испугался статуи, Хитров решительно двинулся вперед, огибая сохранившиеся кое-где оградки могил. Он был так зол на себя за этот необоснованный страх, что почти не смотрел, куда идет. Внезапно земля ушла у него из-под ног, и с громким воплем мальчик провалился в яму, больно проехавшись спиной по насыпи.

Ударившись ногами обо что-то твердое, Филька мгновенно вскочил и стал карабкаться наружу, но не тут-то было. Сколько он ни подпрыгивал, руки его не доставали до края. Глина же была слишком скользкой.

После десятой неудачной попытки Хитров взял себя в руки.

«Спокойно! Если я буду звать на помощь, то опозорюсь. Или еще, чего доброго, Мокренко с Анькой услышат, перепугаются и чесанут отсюда. А я сиди до утра. Надо вначале понять, куда я провалился».

Ощупав края ямы, Филька убедился в том, что она четырехугольной формы, довольно узкая и вообще больше всего напоминает разрытую могилу. При одной мысли об этом Хитров похолодел и в слепом ужасе стал карабкаться. Он подпрыгивал, упирался ногами в глину и пытался подтянуться, но раз за разом срывался.

В очередной раз осознав, что так у него ничего не получится, Филька присел на корточки и задумался. В этот момент луна злорадно высунула свой желтый циклопический глаз из-за тучи и осветила внутренность ямы. Цепеня от ужаса, Хитров увидел гроб. Крышка его была немного сдвинута. Это об нее Филька, видимо, стукнулся, когда упал. Снаружи гроб был обит темной тканью, по которой ползали белые упитанные личинки.

Замирая, Хитров шагнул к гробу и заглянул в него. Он ожидал увидеть там все, что угодно, – мертвеца, скелет, червей, но то, что он увидел, было еще ужаснее.

Внутри гроб был пуст. Лишь белела отлично сохранившаяся ткань, на которой в двух местах расплывались темные пятна неизвестного происхождения. В изголовье гроба лежала аккуратно свернутая черная простыня.

Рассматривая крышку гроба, мальчик обна-ружил, что она необычной формы. Через равные промежутки в ней были проделаны отверстия, превращавшие крышку в отличную лестницу, если поставить ее наклонно.

Отскочив, Филька прижался спиной к краю ямы и закрыл глаза. Сердце колотилось так, будто было птицей, а грудь клеткой, из которой птица во что бы то ни стало стремилась вырваться.

– Свежая разрытая могила... пустой гроб... крышка-лестница... Нет, не может быть... – бормотал Хитров.

Все эти признаки подводили его к единственному предположению, которое было так ужасно, что он не мог, не желал в него поверить. В любом случае яму нужно было покидать, и чем скорее, тем лучше. Стащив с гроба крышку, оказавшуюся совсем легкой, Филька поставил ее вертикально и с ужасом осознал, что крышка как раз такой длины, какая нужна, чтобы упереться в край разрытой могилы.

Уже поставив ногу на первую «ступеньку», Хитров внезапно вспомнил о пари и, просунув руку в гроб, схватил черную простыню. Потом он долго не мог понять, что именно заставило его так поступить. Взлетев по крышке вверх, он ногой толкнул ее вниз, а сам, подгоняемый ужасом, комкая в руке черную простыню, метнулся напролом к тому месту, где ждали его приятели.

Ветки хлестали по лицу, листья шуршали, со всех сторон и даже из-под земли доносились неясные, смазанные и оттого еще более жуткие звуки. Филька пулей несся по тропинке, перепрыгивая через оградки могил, и мерещилось ему, будто он слышит мерный топот преследующих его неумолимых ног.

Хитров был слишком перепуган, чтобы найти тот провал в заборе, через который он пробрался на кладбище, а потому перелез через железные копыя ограды и побежал вдоль нее к тому месту, где у велосипедов ждали его друзья.

Увидев Фильку, белого как мел, перемазанного с ног до головы глиной, сжимавшего в руке скомканную черную простыню, Анька отшатнулась и сразу схватилась за руль велосипеда, пораженный же Мокренко хотел что-то спросить, но не смог ничего выговорить и лишь замычал.

Все еще не очень соображая, что он и зачем делает, Филька защебил черную простыню багажником, и уже минуту спустя два спортивных велосипеда стремительно понеслись по разбухшей осенней аллее прочь от этого места.

Глава 2

СОЛЯНЫЕ ФИГУРКИ

Однажды девочке Зиночке с хвостиком-косичкой подарили трехколесный велосипед, и она поехала кататься на кладбище. Стала Зиночка кататься и не заметила, как до самой ночи прокаталась. Вдруг видит: земля разверзлась, и вылез мертвец. Сам тощий, ноги длинные, а рук вообще нет.

«Я Мертвец-быстроход! У меня каждый шаг по сто метров. Давай наперегонки: ты на велосипеде, а я пешком. Если догонию – сожру!» – говорит он девочке Зиночке.

Зиночка видит, что никак ей мертвеца не обогнать, а отказаться нельзя.

«Хорошо, – говорит Зиночка. – Только мы иначе сделаем. Мне велосипед не нужен. Я к тебе на плечи сяду и руку вперед протяну. Если ты мою руку догонишь, тогда меня сожрешь».

Вскарабкалась она к мертвецу на плечи, протянула вперед руку, и мертвец побежал. Несется быстрее гоночной машины, воздух свистит, а догнать руку не может. Скрежещет зубами мертвец, еще быстрее ноги переставляет. Бежал он так до самого рассвета, а потом спохватился, что надо в могилу ложиться. Развернулся и обратно побежал, но тут петухи закукарекали, и мертвец рассыпался в прах.

Правдивые истории про девочку Зиночку

1

– И ты говоришь: она была на кладбище? – Петька очистил апельсин и любовно посмотрел на его сочную мякоть.

– В разрытой могиле, – уточнил Филька, глядя, как дольки бесследно исчезают во рту у Мокренко. Он надеялся, что испортит Петьке аппетит, но ничего подобного не произошло. Уж что-что, а аппетит ему испортить было невозможно.

– И на дне этой могилы был гроб?

– Да, гроб.

Анька недоверчиво сдула с глаз челку.

– Пустой?

– Пустее не бывает.

Они сидели в классе после уроков. На столе перед ними лежала та самая черная простыня. Теперь она была развернута, и в нескольких местах на ней виднелись зеленые пятна плесени. В ведре торчала швабра: сегодня Анька была дежурной, Хитров же с Мокренко остались за компанию, чтобы еще раз обсудить события прошедшей ночи.

– По-моему, ты завираешься... Не могло там быть разрытой могилы! – категорично заявил Петька.

– А простыня откуда?

– Простыню ты с собой притащил. Признайся, что притащил. Спрятал под курткой, в глине измазался и решил нас одурачить. Признайся, что так все и было. Спорим на три желания! – сказала Анька.

Хитров, оскорбленный до глубины души этим недоверием, медленно откинулся назад.

– Ты когда-нибудь раньше видела черную простыню? – спросил он как можно спокойнее.

– Нет, не видела. Но я и страуса живого не видела. И вообще мало ли какого простыни могут быть цвета.

– А плесень?

– Подумаешь, плесень! Брось любую мокрую тряпку в подвал – еще и не такое расцветет.

Спорим? – хмыкнула Анька.

Филька решительно встал.

– Ладно. Пошли! – сказал он.

– Куда пошли?

– Туда! На кладбище! Я тебе докажу!

– Да пожалуйста! – согласилась Анька и, поправив свои очки-телескопы, двинулась к выходу из класса.

Хитров даже слегка опешил. Он не ожидал, что она так скоро сорвется с места. Ну Иванова – она и есть Иванова. Не побоялась же она приехать ночью на кладбище.

– погоди, я простыню возьму, – сказал он.

– Оставь ее тут, свою тряпку. А то потеряешь – хи-хи! – и бабушка огорчится... За рюкзаками придем – разом захватим. Все равно еще доубираться надо, – отмахнулась Анька. – Мокренко, ты с нами?

– Да с вами я, с вами, – пробурчал Петька. Он доел апельсин и выбросил шкурки за окно.

Снизу раздался угрожающий вопль: там убирался девятый класс, и шкурки буквально свалились ему на голову. Такая наглость прощается редко. Мгновенно сориентировавшись, что может последовать за этим воплем, Хитров с Мокренко выскочили из кабинета...

2

– Ну и где же та могила? Улетучилась? – Скрестив на груди руки, Анька насмешливо наблюдала за Хитровым.

– Говорю вам, она была где-то тут, – растерянно пробормотал Филька.

Уже двадцать минут он безуспешно топтался вокруг мраморной плакальщицы, напугавшей его ночью. Мокренко с Анькой ходили следом, отпуская едкие замечания.

Пытаясь вспомнить, как он шел при лунном свете, Хитров вновь вернулся к обелиску и, убедившись по надписи, что он тот самый, пошел вдоль него, направляясь к окраине кладбища. Сохранившиеся на памятниках и крестах даты становились все менее древними: 1900 год, 1903-й... То и дело Филька возвращался, подозрительно оглядывая каждую могилу.

– Ну все! С меня хватит! – Анька сердито остановилась. – Мы уже все кладбище обошли! С тебя три желания, Хитров!

Филька хотел возразить, но в этот миг Мокренко громко взвизгнул. Обернувшись, ребята увидели, что Петька, неосторожно наступивший на одну из могил, провалился в землю почти до колена и теперь, ругаясь, высвобождает ногу.

Выдернув ее, он отступил назад и стал отряхиваться.

– Блин, размокло все! – крикнул он плаксиво. – Едва ботинок там не оставил!

Филька присел на корточки и ощупал рыхлую землю внутри оградки.

– Вот она, та самая могила! Только теперь она зарыта! А вот и мой след отпечатался у дерева! Ну что, теперь поверила? – крикнул он.

Анька ничего не ответила. Все было слишком серьезно, чтобы вспоминать о споре.

– Похоже, совсем свежая! – сказала она, разглядывая холмик. – Вот так штука: сама свежая, а надгробие старое.

– Да говорю же вам, ночью я сюда провалился! Знаю даже, какой тканью гроб обит!

Осторожно обойдя оградку, Анька оказалась у большого шероховатого камня, служившего надгробием.

– Ну что там? – крикнул Петька. Он все еще прыгал на одной ноге, держа другую ногу на весу и вытряхивая из ботинка землю.

Анька ответила не сразу.

– Сами прочитайте...

Филька подошел. За ним, обувшись, прихромал и Мокренко. За прошедшее столетие надпись успела уже немного стереться, но все еще хорошо читалась.

– «1906. Для многих ты был смертью, теперь же смерть сама к тебе пришла...» – прочитал вслух Филька. – И все? Больше там ничего нет?

– Есть. Тут еще одно слово. Отгадка на эту загадку... – таинственно сказала Анька.

Хитров заметил, что ее щека, обращенная к нему, побледнела.

– Какое слово?

– А вам еще не ясно? Я же сказала, что это отгадка.

– Гробовщик?

– Хуже, – негромко проговорила Анька. – Думай, о ком можно сказать: «Для многих ты был смертью...»

– Палач?

– Да, тут написано «палач».

– И эта могила ночью была пустой... Сюда я провалился и отсюда взял черную простыню... – тихо произнес Филька.

3

В школу они возвращались понурые. Все трое думали об одном и том же: о жутком мертвце, который некогда был палачом, а теперь ночью выходил из могилы.

«Что было бы, если бы он вернулся, пока я оттуда еще не вылез?» – с дрожью думал Филька.

– Ну уж нет! Я туда больше не сунусь. У меня здоровье слабое, – вслух размышлял Петька.

Он машинально достал из кармана бутерброд с колбасой и открыл было рот, но прежде решил полюбоваться тем, что собирается съесть. Неожиданно он заорал и швырнул его на землю. По колбасе ползали точно такие же белые слизняки, как те, что Филька видел ночью на крышке гроба.

– Откуда они здесь взялись? – брезгливо крикнул Петька, топча их ногами.

– Оттуда и взялись, – мрачно пояснил Хитров.

Подходя к школе, они еще издали услышали взволнованные голоса. Гудел девятый «Б», убиравшийся под окнами. Их классный руководитель химик Пупырышкин ходил недовольный, высоко, по своей обычной привычке, вскидывая худые коленки.

– Где Усачев и Стулов? Не возвращались?

– Не-а... Вроде в школу побежали.

– Домой не уходили, ханурики?

– Да нет, вот их сумки валяются. Как бы они без сумок ушли?

– Вернутся – немедленно ко мне! Я им устрою! Будут знать, как сачковать!

Поднявшись в кабинет, где они оставляли свои рюкзаки, друзья обнаружили там большой погром. Парты были сдвинуты, ведро для мытья полов перевернуто и стояло в грязной, его же содержимым образованной луже. В той же луже Филька обнаружил и свой рюкзак, носивший явные следы чьих-то ботинок. Рюкзак Мокренко, выпотрошенный, валялся возле учительского стола. Все съестные припасы оттуда исчезли, а термос с чаем был перевернут.

Мокренко подобрал термос.

– Вот гады! Все вылакали. Я догадываюсь, кого за это благодарить!

– Кого?

– А тех... Усача и Стула из девятого. Слышали, их внизу ищут? Прибежали разбираться, когда мы шкурки вышвырнули...

– Не мы, а ты... – уточнила Анька, не без удовольствия убеждаясь, что ее собственный аккуратный портфель, бережно припрятанный в углу класса, не тронули.

– Ну ничего! Встретятся они мне когда-нибудь на узенькой дорожке! – мстительно сказал Мокренко.

Анька только усмехнулась: она отлично знала, что это только похвальба. Самое большее, что делает Мокренко, встретившись с Усачом и Стулом на узенькой дорожке, – спрячется за дерево. Эти ребята шутить не любят.

– Может, мы на них вдвоем на одного, а? – предложил Петька, обращаясь к Хитрову.

Но Филька его не слышал: он вспомнил про черную простыню и теперь пытался понять, куда она подевалась. На последней парте у шкафа с гербариями и контрольными, где он ее оставил, простыни определенно не было.

«Ну и хорошо, что ее утащили! Очень мне такая гадость нужна!» – подумал Хитров, как вдруг увидел темный край, выглядывавший из-под учительского стола. В этом неподвижно вытянувшемся куске ткани было нечто зловещее. С ощущением, что сейчас произойдет особенно неприятное, Филька осторожно потянул за край.

Черная простыня была скомкана и завязана узлом, образуя как бы мешок. Внутри мешка определенно что-то было. Ощупав ткань, Филька понял, что его содержимое очень похоже на холодные статуэтки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.